

Б. Колесников

Профсоюзы в России

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б11 **Б. Колесников**
Профсоюзы в России / Б. Колесников – М.: Книга по Требованию, 2012. –
100 с.

ISBN 978-5-458-24398-8

ISBN 978-5-458-24398-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

До возникновения профессиональных союзов.

История рабочего движения в России отражает особенности хозяйственного и политического развития нашей страны. Огромное государство, лежащее на грани двух материков,— Европы и Азии,— Россия занесла в летописи своей истории много событий, неведомых ее западным соседям; поэтому и наше рабочее движение не могло точно воспроизвести все фазы освободительной борьбы европейского пролетариата. Временами оно приобретало несколько самобытный характер, но общие пути его развития определялись той же сменой форм хозяйственной деятельности человека, что и за границей, и, в первую очередь, победным шествием капиталистического строя.

Россия не знала расцвета ремесла в тех формах, какие наложили неизгладимый отпечаток на политическую историю Европы средних веков. Русский город вырос прежде всего, как административный и военный центр. Цеховая организация в России не оставила столь заметных следов в истории общественных отношений, как в Западной Европе; мануфактурное производство выросло у нас прежде всего для удовлетворения вновь нарождавшихся нужд и потребностей государства. Поэтому в России связь рабочего движения с развитием капитализма представляется особенно ясной.

Возникновение рабочего класса. Первые промышленные предприятия в России появились еще в XVI и XVII веках; таковы были, например, железоделательные и меднолитейные заводы, построенные для отливки пушек, колоколов и тому подобных предметов. В те времена организаторами крупного производства в России были почти исключительно иностранцы. Значительный толчок развитие мануфактуры получило позднее, в начале XVIII века, под влиянием вновь появившихся потребностей правительства в снаряжении

и одежде для регулярной армии, преобразованной на иноземный лад и численно все возраставшей в непрерывных войнах, которые вела тогда Россия.

Эти своеобразные условия возникновения мануфактурного производства прежде всего сказались в том, что промышленность у нас родилась, как промышленность казенная. Вплоть до начала прошлого столетия крупнейшим предприятием оставалась государственная власть: казне принадлежали все большие горные и металлические заводы, суконные и полотняные фабрики и пр. Производство в казенных заводах основывалось на подневольном крепостном труде. К каждому предприятию было „приписано“ известное число крепостных крестьян; эти „заводские“ крестьяне подать в пользу государства, устанавливавшуюся в денежной форме, должны были обрабатывать натурой. Производительность труда на казенных заводах была очень низкой даже по тому времени — не только вследствие примитивной техники производства, но и вследствие невысокой интенсивности подневольного труда.

Государство всячески стремилось содействовать развитию промышленности; так как своими силами власть много сделать не могла, она еще в начале XVIII века стала на путь поощрения частной инициативы. В России того времени наиболее тяготело к промышленной деятельности купечество, склонное (как и в Западной Европе) вложить в промышленность накопленные в торговле капиталы. Но предпринимательская деятельность купечества упиралась в отсутствие подходящей рабочей силы. Мелкое крестьянское хозяйство предоставляло в то время еще достаточный простор развитию производительных сил; крестьяне не обнаруживали желания менять привычный для них образ жизни на фабричную работу; кроме того, они были „закреплены“ за казной и дворянством, и переход на „оброк“, как называлась замена натуральных повинностей денежными налогами, часто являлся для них весьма сложным делом. Мануфактура могла держаться только на подневольном труде; между тем, право владения „крепостными“ являлось исключительной привилегией дворянства. Стремление купца выступить в роли промышленного предпринимателя встречало, таким образом, в крепостном праве почти непреодолимое препятствие.

Выход из положения был найден правительством в создании, наряду с крепостной зависимостью, зависимости „посессионной“. Основание т. н. посессионному праву было положено Петром I; изданный им закон разрешил „прикреплять“ крестьян к фабрикам, принадлежащим лицам не-дворянских сословий. В отличие от рабочих казенных мануфактур, „посессионные“ крестьяне не составляли личной собственности их владельца и были „приписаны“ не к нему, а к фабрике, на которой они работали; их нельзя было продавать, но во всем прочем они находились в столь же закрепощенном состоянии. Это и называлось „посессионной“ зависимостью.

„Посессионная“ промышленность развивалась до середины XVIII века, когда в политике правительства наступила перемена: вторая половина этого столетия была отмечена усиленным покровительством дворянству, обеспокоенному успехами купечества в производстве. Правительство охотно пошло навстречу помещикам-дворянам, выражавшим желание основать мануфактуры в своих поместьях: им выдавались значительные денежные пособия, к новым предприятиям приписывались крепостные крестьяне из числа принадлежавших государству и т. д. Наряду с казенными заводами постепенно появлялись предприятия дворянские или „вотчинные“, как их тогда называли. Одновременно власть, в меру своих сил, помогала предпринимателям из дворян бороться с конкуренцией купеческих „посессионных“ фабрик; она всячески прижимала эти последние, прекратила дальнейшее расширение посессионного права и даже стала проявлять неожиданные заботы об условиях труда рабочих купеческих фабрик — установила для них предельную продолжительность рабочего дня в 14 часов и т. д. Но российское дворянство, владевшее значительными земельными доходами и связанное службой в армии и государственных учреждениях, не могло проявить большой инициативы в деле организации промышленности; купеческие же фабрики под давлением экономической необходимости переходили к более производительному вольнонаемному труду. Купеческая мануфактура мало-по-малу, несмотря на отчаянное сопротивление именитых фабрикантов дворянского происхождения, вытесняла вотчинные предприятия; в первой половине XIX века она стала господствующим типом в промышленности, за

исключением горнозаводских районов, в значительной части сохраняемых государством в своих руках.

Условия труда рабочих в то время были очень тяжелы: продолжительный рабочий день, низкая заработная плата, и вдобавок ко всему — поистине ужасные правовые условия труда, соответствовавшие общему духу крепостных нравов; фабрика управлялась на манер военной казармы. Главным образом, на почве возмущения своим бесправием имели место многочисленные волнения рабочих, вписавшие ряд трагических страниц в историю русской фабрики XVIII и XIX столетий. Рабочие отказывались работать, устраивали „бунты“, посылали ходяков к царю и т. д. Власти отвечали на это высылкой воинских команд, массовой поркой рабочих, ссылкой в Сибирь „зачинщиков“ и т. д. Но наряду с этой политикой разгрома предвестников будущего рабочего движения, правительство, время от времени, вынуждено было вмешиваться в отношения между трудом и капиталом и, заботясь о „сохранении общественного спокойствия“, регулировало их изданием своеобразных „правил внутреннего распорядка“, обязательных для обеих сторон (они назывались в то время „положениями“).

Число крепостных и вольнонаемных рабочих достигло к 1850 году внушительной цифры в 517.000 человек, но рабочее движение, в современном смысле слова, стало развиваться в России только тогда, когда крепостная и посессионная мануфактура уступила свое место капиталистической фабрике.

В 1861 году пало крепостное право, ско-
Первые экономические забастовки. вывавшее развитие производительных сил страны; это быстро сказалось на судьбах российского рабочего класса.

Вначале отмена крепостной зависимости улучшила условия фабричного труда: вчерашние государственные и посессионные крестьяне, приобретшие личную свободу, массами покидали ненавистные им предприятия. Создавался усиленный спрос на рабочую силу, подымавший заработную плату. Но положение резко изменилось уже через несколько лет, когда выявилось истинное содержание столь торжественно провозглашенной реформы.

Отражая своей деятельностью чаяния помещичьего дворянства, правительство освободило крестьян не только от

крепостной зависимости, но и от земли. В некоторых районах крестьянство начало задыхаться от безземелья непосредственно после падения крепостного права — в других областях малоземелье начало чувствоваться позднее. Избыточное крестьянское население устремилось в города, увеличивая ряды „резервной армии промышленности“—под влиянием усиливающегося предложения труда условия его неизменно ухудшались.

Молодой российский капитализм впервые расправлял свои члены: наступил период промышленной горячки, расшарялись старые фабрики, строились десятки и сотни новых. Сильный толчок общему развитию промышленности дало железнодорожное строительство, с которым связано появление целых промышленных районов крупнейшего значения, как, например, Донецкого бассейна. Безостановочно росло число крупных предприятий и занятых в них рабочих; предпосылки для возникновения рабочего движения были налицо.

Политический гнет в России того времени был настолько суров, полицейская опека над безответным населением была настолько неумолима, что о создании легальных рабочих организаций, ставящих своей задачей экономическую борьбу, нечего было и думать; поэтому первые выступления рабочих приняли форму стихийных экономических забастовок. Первые стачки в России были зарегистрированы в 1370 году. В этот год бастовали рабочие в Ленинграде, Варшаве, Белостоке; в подавляющем большинстве случаев, забастовщики требовали повышения заработной платы. Начиная с этого года, экономические стачки становятся неотъемлемым бытовым явлением русской общественной жизни; по 1377 год включительно прессой было отмечено около 20 забастовок во всех концах России. в этих забастовках приняло участие свыше 20.000 рабочих.

С 1877 года, после окончания русско-турецкой войны, наше хозяйство вошло в полосу нового промышленного подъема; вследствие этого, испытало подъем и стачечное движение рабочих. Новый период стачечной борьбы начался в 1878 году известной в истории российского рабочего движения забастовкой ткачей Новой бумагопрядильни в Ленинграде; она вспыхнула из-за снижения сдельных расценок, проходила в отличие от прежних забастовок более организованно

и привлекла к себе всеобщее внимание. Рабочие подали жалобу на администрацию фабрики и на действия градоначальника непосредственно наследнику (будущему царю Александру). В этой жалобе рабочие писали, что в случае неудовлетворения их справедливых требований они будут бороться за них сами; ответа, конечно, не последовало — рабочие наглядно убеждались, что „освобождение рабочих есть дело самих рабочих“.

Стачка на Новой бумагопрядильне замечательна еще тем, что ее значение впервые вышло за пределы одного предприятия — в борьбу втянулись рабочие других ленинградских текстильных фабрик; в руководстве ею приняли участие первые русские социалисты, в том числе и основоположник российского марксизма Георгий Валентинович Плеханов.

Экономические забастовки в разных концах России не прекращались; характер их, в общем, не изменился до начала большого промышленного подъема в 1893 году. Всего за этот период произошло 82 забастовки, а число участвовавших в них рабочих достигло 110.000 — 115.000 человек; нужно думать, что цифры эти, в общем, скорее преуменьшены, чем преувеличены.

Из числа бывших в этом периоде стачек особое значение по выдержке и организованности имела историческая забастовка рабочих Никольской Морозовской мануфактуры в городе Орехове-Зуеве, Московской губ. Эта стачка продолжалась шесть дней, 7—13 января 1885 г.; она стала широко известна по суду, устроенному правительством над руководителями забастовки и воочию показала, что в России появились и рабочий вопрос, и рабочее движение. Один из руководителей этой стачки, рабочий-ткач Петр Анисимович Моисеенко, дожил до глубокой старости и умер в 1923 г. в Харькове членом РКП.

Значение Морозовской забастовки заключалось в том, что она особенно ярко и выпукло выявила стремление широких рабочих масс к защите своих экономических интересов в борьбе с капиталом. Выразителями этих стремлений, до конца продумавшими вопрос о борьбе с капиталом, были передовые рабочие, перенесшие на русскую почву идеи научного коммунизма и создавшие первые в России революционные рабочие организации.

**Народничество
и первые орга-
низации рабочих.**

Социалистические учения пользовались в России значительным успехом еще в шестидесятых годах, но они были распространены, главным образом, в широких кругах разночинной интеллигенции, рассматривавшей задачи революционного движения с точки зрения своих собственных идеалов. Социалистическая интеллигенция того времени искренно верила, что развитие нашей страны пойдет особым, самобытным, отличным от Запада путем и что России суждено будет избежать горькой чаши капиталистического производства; в остатках общинного землепользования она видела силу, которая сумеет противопоставить „гнетворному“ духу капитализма и явится стержнем нового общественного строя в России. Так как важнейшим препятствием на пути к этому общественному строю была царская власть, то первые русские социалисты считали необходимым вести с нею непримиримую борьбу. Это мировоззрение, господствовавшее в раннем российском социализме, сохранило за собой название „народничества“.

В общем, народничество было соединением наивного утопизма в области экономических взглядов с революционной прямолинейностью в борьбе с царизмом; оно оставило глубокие следы в истории русской общественной мысли. Народническое движение стало особенно значительным с начала семидесятых годов, когда широкие круги интеллигенции, приняв идеи социализма, решили целиком посвятить себя пропаганде этих идей среди трудовых масс; это стремление вылилось в форму массового „хождения в народ“. Пропаганда народников обращалась как к крестьянам, так и к рабочим; огромное положительное ее значение было в том, что она будила мысль передовых пролетариев, ставила перед ними вопросы общественной жизни во всей их широте, учила их критическому взгляду на существовавший в то время полицейский порядок. Прямым результатом народнической пропаганды было возникновение среди рабочих ряда революционных кружков, из которых вышли первые вожди рабочего движения в России.

В конце 1878 года несколько таких рабочих кружков, образовавшихся в Ленинграде, объединились вместе и создали первую в России революционную рабочую организацию,

названную „Северным союзом русских рабочих“. Вскоре после создания этой организации была выработана ее программа; в ней рабочие не только заявляли о своем намерении бороться за новый общественный строй, но и выдвигали требование ряда политических реформ, что было резким разрывом с традициями народничества. Хотя в этой программе влияние идей научного коммунизма было выявлено далеко не полно, в ней прямо заявлялось, что союз „примыкает по своим задачам к социально-демократической партии Запада“... Это было новым словом в российском революционном движении.

Между „Северным рабочим союзом“ и главной организацией народников, партией „Земля и Воля“, завязался спор по программам, положенным в основу деятельности обоих объединений. В этом споре руководители „Северного рабочего союза“ отточили свое мировоззрение, укрепив идеологические узы, связывавшие их с европейским рабочим движением. Союз просуществовал недолго и вскоре распался под ударами правительства, так как его руководители были вовлечены народниками в террористическую борьбу с царизмом — в том числе и один из основателей союза, столяр Степан Халтурин, известный, как виновник взрыва в Зимнем дворце; но влияние „Северного рабочего союза“ на дальнейшее развитие мировоззрения рабочего движения в России было весьма велико.

В следующем за основанием „Северного союза русских рабочих“ 1879 г. такая же организация была создана в Киеве и Одессе; она получила название „Южно-русского рабочего союза“, постепенно распространила свое влияние на все промышленные центры Украины и просуществовала до 1882 года. В отличие от северного объединения, влияние народников в „Южно-русском рабочем союзе“ было более значительно.

Рабочее движение, начавшееся в семидесятых годах, несколько притихло в следующем десятилетии по причине замедления экономического развития (прерванного коротким промышленным подъемом после конца русско-турецкой войны) и бешеного разгула реакции, бушовавшей после убийства царя Александра. Но все же кое-где на экономической почве вспыхивали забастовки, и на развалинах „Северного“ и „Южно-русского рабочих союзов“ теплились огоньки революционной мысли, поддерживаемые

Подъем
стаачечного движе-
ния в 90-х годах.

в разрозненных рабочих кружках, существовавших к началу девяностых годов почти во всех крупных промышленных центрах России.

Положение изменилось в середине девяностых годов; в 1894 году Россия вступила в полосу невиданного до тех пор по силе промышленного подъема. Производство важнейших промышленных товаров, — угля и железа, — поднялось за трехлетие 1894—96 г.г. почти на треть; столь же быстро развивались и другие отрасли хозяйства. Для русских фабрикантов настала благодатная пора обильной жатвы умноженных прибылей. Рабочие массы инстинктивно чувствовали возможность улучшить условия труда путем нажима на хозяина. Стачечное движение вновь вступило в период быстрого подъема.

В 1894 году забастовочное движение еще не носило общего характера; крупнейшие стачки имели место в Ленинграде (Невский завод) и Ростове н/Дону (железнодорожные мастерские). Почти повсеместно волнения рабочих, главным образом, текстильщиков, начались в следующем, 1895 году; ими были охвачены предприятия центрального промышленного района и западного края, отчасти Ленинграда. В этом же году, наряду с движением текстильщиков, значительным стало движение металлистов.

Наконец, в 1896—97 годах стачечное движение достигло небывалого дотоле размаха; в эти годы бастовало около 170.000 рабочих (даже официальная статистика вынуждена была признать, что бастовало почти 50.000 чел.). Не было ни одного мало-мальски значительного промышленного района России, который не был бы захвачен стачечной волной. Впереди всех попрежнему шли рабочие-текстильщики; их выступления приобрели особенно значительный характер в Ленинграде.

В ленинградской текстильной промышленности отдельные стачки вспыхивали с самого начала 1896 года; в последних числах мая они приобрели всеобщий характер. Непосредственным поводом к их распространению послужила неуплата заработка за дни царской коронации. Забастовка постепенно распространилась на все районы города и захватила, кроме текстильных, большинство машиностроительных и химических предприятий. В последних числах мая состоялось собрание

представителей бастовавших фабрик и заводов (более ста человек), выработавших общие требования о сокращении рабочего дня, повышении заработной платы, улучшении других условий труда. Стачка окончилась в середине июня после того, как власти, путем насилий и двусмысленных обещаний сокращения рабочего дня, сломили настроение рабочих. Несмотря на ничтожные практические результаты этой стачки, ее общее значение было очень велико: в ней был испробован путь материальной поддержки бастующих, оказывавшийся из средств, собранных в кругах, сочувствующих забастовке; рабочий класс познал силу совместного давления массы; был сделан первый трудный шаг на пути экономической борьбы.

В руководстве этими забастовками приняли непосредственное участие первые русские социал-демократы, сплотившиеся в „союзы борьбы за освобождение рабочего класса“, которые выросли из разьединенных рабочих кружков, существовавших в начале девяностых годов. Одним из крупнейших союзов борьбы за освобождение рабочего класса был ленинградский, созданный в конце 1895 года; к нему обратились в летнюю стачку 1896 года забастовавшие ткачи с просьбой отпечатать требования рабочих, что и было сделано; помимо этого, „союз борьбы“ выпустил воззвание к стачечникам и вел среди них организационную работу. Связь революционных социал-демократов с поднимавшейся к классовому сознанию рабочей массой становилась залогом дальнейших успехов рабочего движения в России.

Одновременно с развитием стачечной борьбы рабочего класса в России появились первые легальные организации рабочих; речь идет об обществах и кассах взаимопомощи, которые, хотя и могут быть причислены к классовым пролетарским объединениям лишь с большой натяжкой, но все же сыграли известную роль в развитии рабочего движения нашей страны.

Рабочие организации, ставящие своей задачей мирную взаимопомощь и далекие от экономической борьбы между трудом и капиталом, были единственной формой пролетарского объединения, которую с грехом пополам терпело правительство до революции 1905 года. Наиболее обеспеченные